

УДК 82.161.1
DOI 10.25991/AE.2022.22.39.006

И. А. Митрофанова, О. В. Богданова

Митрофанова Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
orcid.org/0000-0002-0489-4799
E-mail: a_blum@mail.ru

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
orcid.org/0000-0001-6007-7657
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПОЭМАХ Н. А. НЕКРАСОВА*

В статье рассматривается проблема Северного текста русской литературы, сориентированная на творчество Н. А. Некрасова. Основным материалом послужили «северные» стихи Некрасова, поэма «Мороз, Красный нос» и лирический эпос «Кому на Руси жить хорошо» (преимущественно глава «Крестьянка»). Как представляется авторам статьи, художественное освоение Русского Севера в творчестве Некрасова происходило в процессе осуществления важного для него замысла — создать образ «величавой славянки».

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, лирика, поэмы, Русский Север, народные сказания, фольклор и литература.

Mitrofanova I. A., Bogdanova O. V.

THE NORTHERN TEXT AND ITS INTERPRETATION IN THE WORKS OF N. NEKRASOV

The article deals with the problem of the Northern text of Russian literature, focused on the work of N. Nekrasov. The main material was Nekrasov's "northern" poems, the poem "Frost, Red Nose" and the lyrical epic "Who lives well in Russia" (mainly the chapter "Peasant Woman"). As it seems to the authors of the article, the artistic development of the Russian North in the work of Nekrasov took place in the process of implementing an important idea for him — to create an image of a "majestic Slavic woman".

Keywords: N. Nekrasov, lyrics, poems, Russian North, folk tales, folklore and literature.

Контуры поэтической традиции Северного текста русской литературы в большой степени определены. Так, Н. В. Володина, отмечая вехи ее формирования, начинает отсчет с развитой А. С. Пушкиным образности русской зимы; локуса «северной столицы», способствующего восприятию России как северной державы; героя, мыслящего себя «сыном севера». Этапным является лермонтовское стихотворение «На севере диком стоит одиноко...»: север получает пространственный масштаб, географические координаты, закреплённую в дендрониме «сосна» предметную образность, а также аксиологическое наполнение, обусловленное идентификацией с ним русского поэта. Оппозиция «Север — Юг» осмысливается в поэзии Тютчева. Для Фета Север — «жизненное пространство поэта, рождающее особое мировосприятие и состояние души» [3, с. 208]. В первую очередь русская поэзия золотого века наделяла Север признаками, которые, будучи перенесёнными на Россию и русского человека, обеспечивали их неповторимость.

Зрелое творчество Н. А. Некрасова приходится на период открытия Русского Севера, увлечения им и разнопланового его исследования. Тем насущнее становится проблема изучения Северного текста в его поэзии.

В 1921 г. В. Е. Евгеньев-Максимов написал работу «Некрасов — певец Русского Севера. К столетию со дня рождения поэта»: «Некрасов, само собой разумеется, поэт общерусский <...> И за всем тем было бы ошибочно думать, что нет края, в котором поэзия Некрасова, кроме общерусского, не вызывала бы своего местного, специфического, так сказать, интереса. Таким краем, бесспорно, является Северо-Восточный Край, обнимающий Приозерскую область и Верхнее Поволжье, то есть губернии Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Костромскую и т. д.» [6, с. 3]. Объектом изображения в произведениях являются конкретные места северо-русской действительности: «Я ехал к Ростову высоким холмом...», «В августе, около Малых Вежей, / С старым Мазаем я бил дупелей...» (Малые Вежи — село Костромской губ.) — и другие топонимические наименования, собранные исследователем.

Поставив цель определить «северно-русскую стихию в личности Некрасова» [6, с. 21] и в его творчестве, Евгеньев-Максимов встал перед необходимостью «точно сформулировать, какие свойства и качества следует считать типическими для племенного характера великоросса (Северо-Восточный Край населен именно великороссами). Блестящий

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

ответ на этот вопрос содержится в “Курсе русской истории” В. О. Ключевского (ч. 1, лекция XVII), выводы которой и положены в основу дальнейшего изложения». Следуя логике изложения исторического материала, Евгеньев-Максимов отобрал в большом корпусе произведений описания погодных условий, которые формируют «способность к исключительному напряжению труда, конечно, укрепляя ту волю, вырабатываемая настойчивостью в труде и ту “благородную упрямку”, о которой упоминал еще Ломоносов» [6, с. 22]. Исследователь выбирал изображения процессов труда, «присущих именно северно-русскому краю, будучи созданы его климатом и природою. Работа великоросса, по Некрасову, в страдную, по крайней мере, пору является чрезмерной, превышающей человеческие силы» [6, с. 47], а также выделил в образах героев «некоторые качества и свойства, присущие великорусскому племенному типу, в наибольшей чистоте сохранившемуся именно среди северно-русского крестьянства» [6, с. 11].

По всей видимости, Русский Север стал объектом осознанного интереса Некрасова с начала 1860-х гг., когда, по словам Н. Н. Скатова, «оказалось и доказалось, что народ-то духовно не почил <...> Не случайно Достоевский так просит Некрасова дать стихи в его новый журнал — в “почвенническое” “Время” и Некрасов такие стихи дает: помимо “Крестьянских детей”, там печатаются отрывки из поэмы “Мороз, Красный нос”» [26]. В журнале «Время» в 1863 г. публикуется первоначальная редакция поэмы под названием «Смерть Прокла», окончательная редакция — в «Современнике» в 1864 г. Это первые годы работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», в том числе и «первые наброски к “Крестьянке”, представляющие собой две записи в перечне глав: “Баба — конь в корене” и “Губернаторша”» [1, с. 108–109].

Как представляется, художественное освоение Русского Севера в творчестве Некрасова происходило в процессе осуществления важного для него замысла — создать образ «величавой славянки».

Сложилось несколько направлений в изучении поэмы «Мороз, Красный нос»: во-первых, как героического эпоса. «Некрасов написал эпопею о состоянии мира, которое Гегель “в отличие от идиллического” назвал “героическим” <...> Уже в первой части, которая вместо «Смерти Прокла» (как в журнальной публикации) стала называться «Смерть крестьянина» (что сразу придало и образу, и всему повествованию обобщенный характер), в центре она — женщина во всей полноте определений <...> не просто житейский рассказ, при всей дотошности такой житейской правды, ведет поэт, а живописует *национальный тип*» [26]. «Некрасов нашел могучий образ духа суровой русской природы», обратившись «к прасюжету народной сказки — к мифу», за которым «как в древнем эпосе, стоит целое народное мироощущение». В жизни и смерти Дарьи выражены полнота бытия, энергия, витальные силы, бод-

рость, но также и противоборство достойного могуществу природы противника [26].

Во-вторых, в аспекте «Зимнего Текста» в творчестве Некрасова: зима, образ которой уже стал «компонентом национальной идентификации русской литературы» [12, с. 165], в поэме «Мороз, Красный нос» «не оставляет людям шанса: белоснежный покров, окутывающий деревенские дома, сравнивается автором с саваном, а белый цвет в “деревенском” мире становится знаком смерти» [12, с. 167].

Третье направление сосредоточено на мифопоэтике: принцип парности построения системы действующих лиц выявляет «какую-то очень архаическую мифологическую структуру» [8]. «Под славянским именем Мороз скрывается персонаж, известный в мифологии как Отец-Небо», тогда как «величавая славянка» — это «персонифицированный до женского “типа” образ Матери-Земли» [8]; в женских персонажах угадываются олицетворенные времена года, в мужских — языческие божества. В эпизодах встречи с Морозом и заколдованного сна «формируется топос пограничного, чуждого человеку, не сакрального или inferнального, а трансцендентного, которое в большинстве работ определяется все-таки как “высокое”» [25, с. 116].

Четвертое — выявляет христианский смысловой слой: «в финальных строфах поэмы “Мороз, Красный нос” звучат слова: “Она улыбалась. / Жалеть мы не будем об ней”. Некрасов говорит здесь о Божием Промысле, с которым не нужно спорить, ибо Он благ <...> автор представляет успешие Дарьи, распростившейся с земной тяжкой долей и теперь безболезненно, в чудном счастливом сне перешедшей к жизни Небесной» [14]. Рассматривается образ юродивого, выписанный Некрасовым «с абсолютным, истинно народным доверием»: «Георгий Федотов в своей известной книге “Святые Древней Руси” отмечает: “Юродство — как и монашеская святость — локализуется на севере, возвращаясь на свою новгородскую родину. Вологда, Тотьма, Каргополь, Архангельск, Вятка — города последних святых юродивых. На Москве власть — и государственная, и церковная — начинает подозрительно относиться к блаженным <...> Особенно обострилась ситуация именно к 60-м годам XIX века, когда и писалась поэма Некрасова» [14].

Установить связи между интерпретациями помогает выявление конституирующих Северный текст элементов, к которым исследователем отнесен, например, юродивый.

В посвящении создается образ читателя — знатока, наделенного сострадательным сердцем, с которым поэт ведет творческий диалог: «песню пою / для тебя» [17, с. 84]. Его идеологические и художественные установки поэту хорошо известны. На его горизонт ожиданий, по-видимому, и рассчитана Часть первая, содержание которой наполнено крестьянским горем, скорбью по нему («здесь одни только камни не плачут»). I глава — стоп-кадр:

описание дано в настоящем грамматическом времени с позиции незримого наблюдателя, крупным планом выделены детали. Сосульки на ресницах старухи, как и «усы, борода в серебре» старика в VI главке, изоморфны природному миру. Объекты этого мира единичны: «избушка в деревне» — село «за четыре версты» с церковью, окруженной крестами кладбища, — «монастырь отдаленный / (Верстах в десяти от села)» и дальше равнины, поля и лес. Пространство необозримо пустынно и не замкнуто («Опять помычал — и без цели / В пространство дурак побежал», VII гл.). Доминирует белый цвет снега, савана, холстины, новых лыковых лаптей. Желтым цветом отмечена только земля («желтая мерзлая глина» кладбища) и текущая по ней река. Желтый цвет обычен для суглинка — почвы северных губерний России. Минимум предметов делает мир аскетичным настолько, чтобы он мог восприниматься как символический: дровни, скамья у окна, кресты, свеча.

Мир мало населен: старик, старуха, юродивый Пахом, дьячок, соседи, соседка, принимающая детей Дарьи, староста Сидор Иванович. В нем главенствует и определяет дела людей природа: работы завершаются тогда, когда мороз сковывает землю («Когда же работы кончались / И сковывал землю мороз», XI гл.). Сравнительный оборот «Как саваном, снегом одета / Избушка» во II главке упреждает описание Дарьи, шьющей саван для покойного мужа. Царит безмолвие (*тихо бежали, оба молчали, и шли молчливо домой*). Молчание прерывается причитанием, которое уступает согласному хору соседей. Это пространство «полумглы». Сошлемся на Л. В. Михайлову: «По определению Ю. В. Попкова, философия Севера укоренена в мифологеме мрака и смерти, хаоса, стихии беспредельного и водного начала. Он считает, что в становлении от мифа к логосу метафизика Севера отбирает мифологемы негативного ряда, что объясняется его аксиологической валентностью в мифологиях североазиатских народов» [16, с. 155].

Симметричные в композиции первой части II и предпоследняя XIV главки объединены мотивом известного поэту и читателю положения вещей: «Привычная дума поэта / Вперед забежать ей спешит» [17, с. 85], все происходит «как водится» [17, с. 97]. Бедность крестьянина, закрепленная эпитетом «убогие дровни» в I главке, рассуждение поэта о тяжелой рабской доле в III главке, отзывающееся словами старосты в главке XIV, — хорошо читателю известны. Таким образом, содержание Части первой можно счесть предысторией для того нового («ремы» в грамматических категориях), которое собственно и является целью высказывания поэта. Новая тема заявлена в IV главке — «величавая славянка». Однако в Части первой Дарья — эпизодический объект участия поэта и соседей. Как активный субъект она выступает в Части второй, название которой в таком случае должно быть перенесено на всю поэму.

Часть вторая начинается изображением мира белеющих под снегом равнин и чернеющего леса

в чувственном восприятии Дарьи. Она воеет и плачет на весь лес («Вой сокрушительный»), заполняет собою пространство, которому соразмерна ее «бедная крестьянская душа» [17, с. 99].

Дарья «колет и рубит дрова» («Господи! сколько я дров нарубила! / Не увезешь на возу...»), XXVIII гл.) и в то же самое время ведет речь, обращенную к Проклу. В ее сознании, творящем картины жизни, человек властвует в этом царстве зимы. Весна с обрядками, пахотой земли — проживание будущей жизни прерывается в XXII главке воспоминанием виденного ею «сна перед спасовым днем» [17, с. 103] про рожь, которая вражьей силой наступает на нее, случайно заснувшую в поле во время жатвы. Она видит сон в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа по ст. ст.), а 16-го — праздник Перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа, в народе именуемый Хлебным Спасом. Это день окончания жатвы. Дарья повторяет «Сон мой был в руку, родная!», обращаясь ко «ржи-матушке» из предшествующей главки и к «Царице Небесной». В праздник Успения Богородицы Дарья видит предвещающий смерть мужа сон, который вспоминает в день его похорон и своего «успения» — мирной, подобной сну кончины. Некрасов дает очень высокую поддержку идее Божьего Промысла.

После воспоминания сна Дарья в своем создании проживает последующую жизнь до женитьбы Гриши, рассказывает ее Проклу, попутно воспроизводит переживания за мужа, любовь к нему, обереги, приметы, страхи, молитву («Я ль не молила Царицу Небесную?», XXV гл.), путь в монастырь, восприятие святости молодой схимницы.

Финальная перипетия обусловлена немотивированным поведением Дарьи, собравшейся ехать домой: «К высокой сосне подошла» [17, с. 110]. Сосна воспринимается здесь как уже освоенный русской поэзией символический образ, представляющий Север. Тогда закономерно появление Мороза — этот персонаж славянского сказочного и обрядового фольклора выступает как универсальный дух природного мира Севера. Однако, в отличие от мертвенно решенных картин Части первой, вызываемый воеводой Морозом «заколдованный сон» Дарьи являет богатую картину гармоничной, эстетически и этически прекрасной жизни семьи в земных трудах и любви друг к другу: многосубъектная, громкоголосая, полная живых движений, живописная по колористике (*белый жбан, зеленый куст, золотые снопы, румяные лица*), она сотворяется именно душой Дарьи.

В Части второй образ Дарьи разработан в героической ипостаси: витальной силой, творческим духом она равновелика самой природе. Это и есть новая тема Некрасова — «тип красивой и мощной славянки», в котором бы сложились русские народные представления о своем идеале. Отметим, что идеальный образ явлен в мире суровой северной природы. Однако данный мир, как и образ героини,

носит условный характер: Некрасов здесь впервые «обращается к средствам поэтической условности фольклорного типа» [23, с. 250]. Некрасов создает «памятник жизни» героини, справедливо резюмировал Н. Н. Скатов [26].

«Мороз, Красный нос» напрямую связан с главой «Крестьянка» из «Кому на Руси жить хорошо». Очевиден повтор кульминационных ситуаций: Дарья, желая спасти мужа, бежит зимней ночью в дальний монастырь; Матрена Тимофеевна с той же целью зимней ночью торопится в город. Намеченные в «Морозе...» жизненные драмы случаются в жизни героини «Крестьянки» (волчица, рекрутчина).

К. В. Чистов обстоятельно передает обстановку бурного подъема, который переживала в 1860–1870-е гг. фольклористика, открывшая Русский Север: «В 1864 году, одновременно с последним выпуском знаменитого сборника сказок А. Н. Афанасьева, вышел третий том “Песен, собранных П. Н. Рыбниковым”. В нем была опубликована “Заметка собирателя”, сыгравшая значительную роль в истории русской фольклористики. Она должна была документировать неожиданное открытие живой эпической традиции в Олонецкой губернии, в нескольких стах километрах от Петербурга» [30, с. 6]. Чуть позже в том же Олонецком крае А. Ф. Гильфердинг записал 300 былин. В 1867 г. В. Е. Барсов встретился в Петрозаводске с И. А. Федосовой и записанные от нее похоронные причитания опубликовал в 1872 г. Это была I часть «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» — «Плачи похоронные, надгробные, надмогильные». Тогда же вышли 3-я и 4-я части «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Одновременно со знакомством с живым народным творчеством началось его научное изучение. Это была уникальная эпоха «фольклористической публицистики и так называемых “этнографических очерков” писателей-шестидесятников, группировавшихся вокруг “Современника”, а позже “Отечественных записок” <...> говорилось о фольклоре как актуальном явлении крестьянского быта и звучал призыв использовать фольклор для познания современного крестьянства» [30, с. 233].

Создавший к этому времени «условный» образ идеальной славянки, «Н. А. Некрасов больше, чем кто-либо из русских поэтов, был подготовлен к встрече с И. А. Федосовой. Он ее как бы ждал» [30, с. 272].

Чистов восстанавливает историю написания Некрасовым главы «Крестьянка», инициированного сборником Е. В. Барсова: «Очень живо восприняв I том «Причитаний Северного края», создал на его основе (включив и другие фольклорные материалы <...>) одно из самых значительных своих произведений, посвященных судьбе русской крестьянки» [30, с. 251]. Глава «Крестьянка» была опубликована в № 1 «Отечественных записок» за 1874 г. сразу в своем окончательном виде.

«(Авто)биографии И. А. Федосовой и других плакальщиц, с которыми работал Барсов, помещен-

ные в издании (“Сведения о вопленицах, от которых записаны причитанья”), позволяли Некрасову, наконец, выстроить сюжетный (развернутый) стержень главы, в которой на первый план выходил образ главной героини-женщины, а у ее рассказа появлялась связанная и развернутая фабульная нить, яркие биографические (жизненные, бытовые) эпизоды, которые теперь могли быть нанизаны на стержень сквозных воспоминаний персонажа <...> Некрасов был избавлен от сложности творения им образа героини-крестьянки (что не давалось ему долгие годы), теперь его задача состояла в том, чтобы максимально точно воссоздать прочитанное и подслушанное в народе, поэтически приблизить зафиксированный печатно фольклорный материал к восприятию современного читателя, сформировать (скорректировать) в тексте искомую авторскую модальность» [1, с. 119].

В главе «Крестьянка» действуют два героя и соответствуют им два локуса, которые географически точно размещены (в отличие от условного пространства севера в поэме «Мороз, Красный нос») на карте Русского Севера.

Начало «Пролога» маркировано окказиональным топонимическим сравнением:

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливое,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! Доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину,
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...» [18, с. 242].

Предметная образность создается сравнительным оборотом с наименованием породы главной кормилицы крестьянской семьи. Одна из старейших отечественных пород, «холмогорская» была выведена в XVII в. в Двинском уезде, на заливных лугах в пойме Северной Двины. Образ сравнения, подержанный эпитетами «доброумная и гладкая», осуществляет оценку внешних и ментальных качеств героини.

Фразеологизированным сочетаниям топонимических прилагательных с существительными при существе образное начало: «за ними читается узнаваемая носителями языка “картинка”» [10, с. 23–24]; они употребляются и в переносных значениях, когда становятся «средством территориального наименования персонажей» [2, с. 82]; региональный топоним обеспечивает им роль «лингвокультурного символа территории» [10, с. 22]. Ю. А. Кривошапова уточняет идиому «холмогорская корова»: «Символом се-

вернорусского животноводства следует признать знаменитую *холмогорку*, породу крупного рогатого скота, выведенную в Холмогорах. Холмогорские коровы считались лучшими в России: они были крупными, устойчивыми к болезням и хорошо доились <...> с *холмогорками* сравнивают в народной речи дородную, породистую, грудастую женщину, ср. как *холмогорская корова*» [10, с. 27].

Данные сочетания выполняют также функцию идеализирующих эпитетов. В такой функции «они теряют свою географическую привязку и наделяются обобщенно-мелиоративными коннотациями, приобретая значение “самый лучший”, их топонимическая семантика практически полностью нивелируется» [9, с. 107–108].

У Некрасова сравнительный оборот «холмогорская корова» осуществляет привязку героини к географическому месту (авторский уровень) и обозначает положительную ее оценку в народной среде: для крестьян холмогорская порода является лучшей. Уместно напомнить запись плана поэмы: «Баба — конь в корене». В. И. Даль сообщает: «*Корень*, гов. об упряжи, закладка лошади в оглобли, а по бокам их *пристяжки*. *Человек-корень*, стойкий, упрямый и суровый»; «*коренная* лошадь, в корню, в оглоблях» [5, с. 162–163]. Некрасов последовательно использует народные выражения оценки.

«Пролог» продолжается образной картиной благоденствующего мира, по которому направляются на встречу с Матрешей Тимофеевной странники: природа воздает крестьянам по их трудам; странники радуются урожаю; гармоничность отношений людей и природы подчеркивается эпизодом, когда Роман освобождает и целует «жаворонка малого, / Застрявшего во льну» [18, с. 243]. Весь мир согласно переживает душевное состояние умиления. Данная картина подготавливает портретную характеристику героини, которой предшествует описание разоренной дворянской усадьбы в селе Клин. Такое композиционное решение позволяет на ярком контрасте оттенить героиню и ее мир.

На приеме контраста здесь создается образ певца, обладателя голоса, способного завладеть окружающим пространством. Певец опять именуется топонимом, который беременная женщина — субъект речи — связывает с югом, в то время как по авторском замыслу он имеет отношение к северу:

— Певец Ново-Архангельской,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп.
Ему здесь делать нечего... [18, с. 248].

Топонимы «Архангельск» и «Ново-Архангельск» распространены на карте России: на территории Новороссии имеются 3 поселения с названи-

ем «Архангельское» (Николаевская, Херсонская и Донецкая губ.). Упомянутый «Конотоп» находится в Черниговской губернии, действительно входившей в состав Малороссии. Топографическая путаница — где родина певца? — может быть объяснена незнанием говорящей. Между тем, единственная необходимость в номинации «Ново-Архангельской» — поддержать северный мотив, актуализация которого происходит за счет древнерусского окончания «ой». «Диалектное название города — субстантивированное усечённое прилагательное *Архангельско*, восходящее к древней номинации *Архангельской город*» [21, с. 128].

В третьем фрагменте текста фигурирует уже сам Архангельск. Он помещен в главу «Пир на весь мир», в рассказ объективного повествователя об отношении русского народа к странникам и предшествует притче Ионушки «О двух великих грешниках». Видимо, Некрасов не оставляет северная тема. Автор закрепляет топоним в регионально точном образе сравнения:

Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быть афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями... [18, с. 369].

Архангельск — единственное место, где можно увидеть тюленят, большими группами обитающих на плавучих льдинах. Имеется в виду беломорская популяция гренландского тюленя, «обитателя холодных вод», местом размножения которого является и Белое море: «Для размножения тюлени выбирают прочные льдины, устраивая на них так называемые детные залежки» [4]. После окончания линьки тюленят называют «серками». Последнюю номинацию приводит А. Михайлов в «Очерках природы и быта Беломорского края России» 1868 г.: «Серка — особый вид тюленя, известный на Поморье под различными наименованиями, смотря по полу и возрасту» [15, с. 130]. В отличие от очеркиста, Некрасов использует наименование семейства «тюлени». Общеупотребительное слово способствует восприятию — сравнение запечатлевается в обрывной памяти читателя как примета Севера.

Более того, в данном повествовательном фрагменте в контекстуальной близости к «Архангельску» размещены сакральные топонимы: один странник не бывал «дальше Троицы-Сергия» [18, с. 366], потом назван Афон, затем Ионушке «древнюю был»

«в Соловках сказывал / Инок, отец Питирим» [18, с. 371].

Каждый топоним является цитатой, формирующей генеральный смысл некрасовского текста. С Троице-Сергиевой лавры, с монашеского дела преп. Сергия Радонежского началось основание монастырей по Русскому Северу. Русский Афон именно во второй половине XIX в. возвысился и стал своим для русского мира. Эпоха 1850–1860-х гг. увидела ореол святости вокруг Соловецкого монастыря: на Северном театре Крымской войны обитель держала оборону от нападений английской эскадры. По окончании войны этнограф С. В. Максимов был там и в 1859 г. опубликовал книгу «Год на Севере», в которой засвидетельствовал героическое поведение защищавших обитель крестьян и монахов [22].

Чтобы определиться со статусом Архангельска в северной топографии некрасовского мира, обратимся к работам Н. М. Теребихина: «Новому городу хотели усвоить имя Новых Холмогор, но жители стали называть его по очень древнему, находящемуся вблизи монастырю (с церковью, в которой один придел посвящен был Архангелу Михаилу, а другой — Гавриилу) — Архангельском» [28, с. 26]. «Если первое название отражает определенные историко-географические реалии (перенесение столицы Поморья из Холмогор в Архангельск), то второе воспроизводит апокалиптический сюжет “архангелогородского” мифа, выводимого из имени Архангела Михаила — предводителя небесного воинства, низвергающего мирового Змея с небес» [29, с. 34]. «Воинские (“змееборческие”) и водительские функции Михаила Архангела обусловили восприятие его как вождя русского народа и его культурного героя — культуртрегера, осваивающего инородческие и иновечерские пространства Севера. Выдвижение образа Михаила Архангела на крайние пределы Русской земли отражено в исторической топографии “архангельских” храмов и монастырей <...> Примерно в это же время (вторая половина XIV века) на берегах Белого моря в устье Двины возникает Михайло-Архангельский монастырь, давший свое священное имя городу» [29, с. 35].

Некрасов создает географически точное пространство, обширное, характеризующее хозяйственным благодеянием и духовно освоенное, центром которого является Матрена Тимофеевна. Физический облик героини соответствует миру порядка и красоты:

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатышские,
Сухова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький.
Да серп через плечо [18, с. 250].

Сложилась основательная исследовательская традиция сопоставления некрасовского текста и фольклорных претекстов — песен, былин, причитаний, автобиографии Федосовой, биографий других воплощений. Нет необходимости приводить и дополнять данные ученых. Требуется выяснить, какие цитатные компоненты текста «Крестьянки» формируют смыслы, заключенные в образе идеальной славянки Матрены Тимофеевны, отнесенной автором к Русскому Северу. Напомним, что поэт опирался на живую традицию северно-русского фольклора.

В I главе «До замужества» Некрасов использует свадебные причитания из сборника П. Н. Рыбникова первоначально как этнографический материал, обеспечивающий достоверной конкретикой бытовой план повествования. Матрена Тимофеевна ими рассказывает свою жизнь.

Затем автор наделяет жениха наименованиями, закрепленными в северно-русских свадебных причитаниях: «чужанин», «питерщик». «Связь с Питером — прерогатива жениха (это его пространство)» [9, с. 107]. Профессия «печник» укладывается в представления о Русском Севере, обеспечивавшем лучшими мастерами по печам северную столицу.

«Свадьба относится к обрядам перехода» [11, с. 15]: «основным фактором, приводящим в движение обряды перехода (рождение, инициацию, свадьбу и т. д.), является изменение личности, происходящее в социальной сфере» [11, с. 16]. Потому в причитаниях невесты присутствует символика смерти: «девушка умирает для своего рода, а род для нее» [11, с. 17]. «Причитывание в этом случае являлось как бы способом общения с невестой, находившейся в “пороговом” состоянии, этот способ общения предписывался обрядом. [11, с. 20]. Некрасов вводит причитание матери «Как рыбка в море синее / Юркнешь ты! Как соловушко / Из гнездышка порхнешь» [18, с. 255], чтобы читатель уловил, насколько невозвратен для народного сознания осуществляемый свадьбой переход.

Из сложной схемы свадебного обряда Некрасов отбирает два элемента — просватовство (богомолье, рукобитье) и вечеринку, устраивавшуюся перед венчанием в доме невесты, на которую приезжал со своими родственниками жених. На вечеринке невеста «поднималась из-за стола и просила жениха встать рядом с ней “на одну мостовичинку” [11, с. 53]. Некрасов сохраняет данный фрагмент причета, после которого Матрена вспоминает игру, в которой меряется с женихом «силицей». Вечеринка нужна, чтобы показать начало отношений Матрены и Филиппа.

Кульминацией обряда является расставание с волей. Оно начинается расплетанием косы невесты, во время которого невеста плачет: «Вы повышейте, голубушки, / Заузорчатую занавесь» [20, с. 404]. Живописный образ вышивания обрядового предмета Некрасов сохраняет: «Я по углам бы вышла / Москву, царя с царицею, / Да Киев, да Царьград, /

А посередке — солнышко, / И эту занавесочку / В окошке бы повесила» [18, с. 256]. «Важное место в свадебных причитаниях занимает мотив вышивания небесной триады. Невеста просит подать полотенце с вышитыми на нем “царями со царицами, королями с королевами, с полками государевыми, с угревным солнышком, светлым месяцем, с частыми звездочками” (Гильтебрандт. С. 615)» [11, с. 105]. Кузнецова предполагает, что «сюжет “вышивание небесной триады” в том виде, в каком он бытует на Русском Севере, является образованием, сложившимся в этом регионе» [11, с. 138].

«Завершающим этапом в цикле обрядов, обеспечивавших выход невесты из половозрастной группы девушек и отчуждение ее от своего рода, было расставание с “волей”. В рассматриваемом регионе — Заонежье и Пудожье — это кульминационный момент свадьбы» [11, с. 61]. «Под термином “воля” подразумевается пространство, свой дом: “дайте вы волю обглядеть да обсмотреть, кругом да окол теплого витого гнездышка...” <...> “Воле” противопоставляется в причитаниях “неволя”, которая так же изображается, как некое пространство, но чужое, неосвоенное» [11, с. 75].

Рассказ о жизни до замужества Матрена Тимофеевна заключает словами: «И волюшка скатилась / С девичьей головы» [18, с. 258]. Сакральная цель причитания — помочь душе совершить переход. Первый переход души героини завершается утратой воли. Отметим, что идея о воле/неволе является в «Крестьянке» ключевой.

Матрена Тимофеевна рисует свое положение в чужой семье как покорное рабство. Содержание II главы «Песни» подтверждает его справедливость. Некрасов опирается на песни «А как свекор говорит: «Людоедицу ведут», / А свекровь говорит: «К нам медведицу ведут» [20, с. 447], «Мой постылый муж»; подключает эпизод домашнего насилия.

III глава вводит второго главного героя — Савелия. Его речь окрашивает топоним «Корёжина», производный от реального гидронима: река Корёга протекает в Буйском уезде Костромской губ., в северной, глухой, лесистой части, примыкающей к Вологодской обл. Буй-город также фигурирует в рассказе. Рост, стать, сходство с медведем и столетний возраст соответствуют хронологу «благодатных таких времен», когда «нашей-то сторонущки / Три года черт искал, / Кругом леса дремучие, / Кругом болота топкие» [18, с. 268]. В очерках о Беломорском крае А. Михайлов описывал такие поселения: «Случалось мне бывать в русских селах (есть такие села и в Архангельском уезде), забравшихся в лесную глушь, верст на сто и более от судоходной реки и почтового тракта, и заставившихся болотами, по которым нет проезда в летнюю пору, да и переход не совсем легок. Большею частью, деревушки эти (бывшие скиты) заселены раскольниками, а потому и не трудно понять, что заставляло их уходить в лесную глушь и заставляться топкими болотами» [15, с. 175]. Савелий — промысловик, охотник, как

и другие жители «его сторонущки», платившие господину Шапошникову дань «медом, рыбою». И в сто лет герой ставит «силочки / На глухарей, на рябчиков» [18, с. 267]. В непроходимых лесах Корёжины главным делом Савелия была охота на медведя. Случай, «как наступил на сонную медведицу», он излагает в духе рассказов А. Михайлова об охоте на медведя, в которой преуспели жители пинежского края: «Нигде, по всей Архангельской губернии, не встречал я так много медведей, как в лесах Пинежского уезда. Бьют их мало, да где ж и перебить их, когда весь почти Пинежский уезд есть один сплошной лес» [15, с. 270].

Богатырство в смысле сверхчеловеческой физической силы Савелия Некрасов поддерживает сюжетом «Про Святогора богатыря» из I части «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым»:

Не с кем Святогору силой померяться.
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается.
Грузно от силушки, как от тяжелого бремни.
Вот и говорит Святогор:
«Как бы я тяги нашел,
Так я бы всю землю поднял!»
Наезжает Святогор в степи
На маленькую сумочку переметную:
Берет погонялку, пощупает сумочку, — она
не скрянется,
Двинет перстом ее, — не сворохнется,
Хватит с коня рукой, — не подымется.
Слезает Святогор с добра коня,
Ухватил он сумочку обема рукама,
Поднял сумочку повыше колен:
И по колена Святогор в землю угряз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет.
Где Святогор угряз, тут и встать не мог,
Тут ему было и кончение.
Тяги-то земли он нашел, прибавила рассказчица,
а Бог его и попутал за похвальбу
(со слов крестьянки) [19, с. 32–33].

Савелий рассказывает Матрене об эксцессах крепостного права: как драл Шалашников, разорял немец Фогель. И рисует мифологический образ «богатыря сермяжного» [18, с. 267], наделенного огромной, как у Святогора, жизненной энергией, потраченной на то, чтобы терпеть нечеловеческие страдания раба. Былинный сюжет про «тягу страшную» рождает в Савелии вопрос: на что потрачена богатырская сила? Ответом на него является последующий рассказ об убийстве Фогеля и остроге.

С Савелием вводится зимний мотив: зимами он думает на печи, зимой умирает. Отметим, что зимний мотив проходит через все главы, нарастая к VIII главе. Итог жизни Савелий подводит в день смерти Демущки, которого Савелий также называет «богатырем»:

— Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал.
Да рассказал не все:

Леса у нас угрюмые,
 Озера нелюдимые,
 Народ у нас дикарь.
 Суровы наши промыслы:
 Дави тетерю петлею,
 Медведя режь рогатиной,
 Сплошаешь — сам пропал!
 А господин Шалашников
 С своей воинской силою?
 А немец-душегуб?
 Потом острог да каторга...
 Окаменел я, внученька,
 Лютое зверя был.
 Сто лет зима бессменная
 Стояла. Растопил ее
 Твой Дёма-богатырь!
 Однажды я качал его,
 Вдруг улыбнулся Дёмушка...
 И я ему в ответ!
 Со мною чудо сталося:
 Третьеводни прицелился
 Я в белку: на суку
 Качалась белка... лапочкой,
 Как кошка, умывалася...
 Не выпалил: живи! [18, с. 285–286].

Данный рассказ подтверждает идею, что в некрасовской модели Северного мира Савелий и Матрена закреплены за разными локусами, как если бы они представляли две стороны жизни Русского Севера: необжитой край — культурно освоенный, промыслы — хлебопашество, одиночная борьба с суровыми природными условиями — организованная брадами семейная жизнь, физическая сила — нравственно развитая душа. Вектор жизненного пути Савелия — из корёжских лесов в Песочный монастырь (реальный топоним: Игрицкий монастырь в Костромской обл.) — укладывается в данное понимание.

Глава IV «Демушка» является кульминационной в сюжетных историях и Савелия, и Матрены Тимофеевны. По времени действие совпадает с эпизодом сна на спасов день в «Морозе, Красном носе»: героиня жнет рожь. Для Савелия его грех («И я же, по грехам моим, / Сгубил дитя невинное...») [18, с. 286]), для Матрены — невыносимое страдание становятся причиной коренного изменения их сознания.

Данная глава насыщена «федосовским» материалом. Матрена здесь именно причитает: становой «как в стойле конь подкованный / Затопал; о кленовый стол / Ударил кулаком» [18, с. 280]. Ср. в «Плаче о старосте» Федосовой: «Он затопае ногама во дубовый пол, / Он захлопае рукама о кленовый стул, / Он в позодню по покоям запохаживае, / Точно вехорь во чистом поле полетывае, / Быдто зверь до во темном лесу порикивае» [24, с. 283]. Отчетливо заметно следование буквально за текстом Федосовой.

Между тем наблюдается радикальное отличие. В «Плаче о старосте» у Федосовой староста дает судьбе урок, как державинский поэт дает урок «властителям и судиям»:

Стане староста судью тут уговаривать:
 «Не давай спеси во бладую головушку,
 Суровства ты во ретливое сердечушко,
 Да ты чином-то своим не возвышайся-тко —
 Едины да все у Бога люди созданы:
 На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
 Знай — сиди да ты за столиком дубовым:
 Удержи да свои белы эти рученьки,
 Не ломай-ко ты перстни свои злаченны;
 Не честь-хвала тебе до молодецкая
 Наступать да на крестьян ведь православных!
 Не на то да ведь вы судьи выбираетесь!» [24, с. 285]

Некрасов производит полную смысловую инверсию:

Крестьяне настоялися,
 Крестьяне надрожалися.
 (Откуда только бралися
 У коршуна налетного
 Корыстные дела!)
 Без церкви намолилися,
 Без образа накланялися!
 Как вихорь налетал —
 Рвал бороды начальничек,
 Как лютый зверь наскакивал —
 Ломал перстни злаченые...
 Потом он кушать стал [18, с. 283].

Отчетливая тенденция Некрасова — закрепить социальные мотивы незащитности крестьян перед мировыми посредниками, как раньше — рабского положения невестки в семье мужа. Рабски покорными он изображает Матрену, Савелия и всех мужиков. В то время как Федосова и ее староста обращаются к судьбе независимо и смело.

Некрасов жертвует правдой жизни — отраженными Федосовой чертами, присущими жителям Русского Севера, что приводит к этическим нестыковкам. Имеется в виду единственный атрибутированный автором фрагмент текста («Взято почти буквально из народного причитания») [18, с. 281]). Некрасов воспроизводит финальный фрагмент федосовского плача, в котором вопленица от лица старости проклинает злодея за смерть своего справедливого, радевшего о крестьянском мире мужа: «Вы падите-тко, горюци мои слезушки» [24, с. 287]. Соответственно у Некрасова — «Падите мои слезоньки» [18, с. 281].

Федосова заканчивает плач:
 Еще дай да, Боже Господи,
 Ему в дом жену не умную,
 Плодить детей неразумных!
 Слыши Господи молитвы мои грешныя!
 Прими Господи ты слезы детей малых! [24, с. 288]

Некрасовская героиня:

Жену ему неумную
 Пошли, детей — юродивых!

Прими, услыши, Господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!.. [18, с. 281].

«Некрасов заменил буквально одно слово: вместо «детей *неразумных*» (как у Федосовой) его героиня молит о «детях *юродивых*» <...> Однако в подлинно народном восприятии такая подмена невозможна» [1, с. 141]. «Там, где Некрасов следует за народной сказительницей, он как поэт выдерживает уровень традиционных нравственных ориентиров, но как только допускает отступление от первоисточника (ни в одном из плачей И. А. Федосовой сопоставимого эпизода нет), тотчас обнаруживает этико-эстетический сбой» [1, с. 140]. Выбор лексической единицы «юродивый», по-видимому, означает, что Некрасов стал разделять скептическое отношение к юродивым, о котором шла речь выше.

Некрасовская глава заканчивается эпизодом, который показывает обусловленные трагическими событиями изменения в героях. Сон, избавивший Матрону Тимофеевну от непереносимого страдания, сигнализирует о новом переходе ее души. Призыв «Терпи, многострадальная!» вместо привычного согласия рождает самостоятельную мысль: «Я долго, горько думала» [18, с. 287]. И когда в следующей V главе «Волчица» на героиню продолжают сыпаться несчастья, она выходит из роли «крепостной женщины»: перестает покоряться свекру-батюшке, требованиям странницы, смело вступает за Федотушку.

В VI главе «Трудный год» несчастья выпадают всему крестьянству — «бесхлебица», имеющая документальную основу: «в исключительно неурожайный 1867 год пахота и взмет пара могли растянуться даже до 20–25 июня» [30, с. 166]. О том же свидетельствует в своих очерках А. Михайлов: «Безотлагательная потребность в деле спешествования благосостоянию Северного края России вызывается еще настоятельнее в настоящее время, после того, как большинство его населения, вследствие всеобщего неурожая прошедшего года, подверглось страшным бедствиям голода» [15, с. I]. Укорененный в сознании северного крестьянина страх перед бесхлебицей мотивирует использование Некрасовым в сюжетных кульминациях образных картин жатвы ржи.

Когда вне очереди забирают в рекруты Филиппа, свекр-батюшка мечтает о восстановлении справедливости: «Сказать бы губернатору / Так он бы задал им!» [18, с. 298], однако покоряется вместе со всеми произошедшему, как поначалу покоряется и Матрена. Типичность для крестьянки данного поведения поддержана цитатами из «Плача вдовы по муже», насыщающими кусок текста: каков масштаб горя, как семья относится к детям солдаты, как дети не хотят просить милостыню, как опрометчиво вела себя с соседями.

Слом в поведении героини отмечен мифологическим мотивом «Пришла зима бессменная» [18, с. 300]. Сновидческое состояние («Чу, барабан!

Солдатики / Идут... Остановились... / Построились в ряды. / «Живей!» Филиппа вывели / На середину площади: / «Эй! Перемена первая!» — / Шалашников кричит» [18, с. 301]) подготавливает ее душу к новому переходу. Матрена Тимофеевна просыпается, спрыгивает с печи, выходит из дома. Чтобы подчеркнуть коренные изменения в поведении героини, Некрасов использует ретардацию — сообщение о цели действий Матрены переносит в следующую главу.

Отметим, что Матрена беременна, на сносях. Так же как Дарья в «Морозе, Красном носе», с важнейшим отличием: Дарья беременна в своем заколованном сне. Как и Дарья, она находится в огромном пространстве заснеженной равнины. Эпизоды двух поэм связаны образными переключками.

Как и Дарья, Матрена Тимофеевна молится Богородице:

За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
<...>

Упала на колени я:
«Открой мне, Матьерь Божия,
Чем Бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной, —
Терплю и не ропшу!
Всю силу, Богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, Владычица.
Ты можешь всё, Заступница!
Спаси рабу свою!..»
Молиться в ночь морозную
Под звездным небом Божиим
Люблю я с той поры.
<...>

Чем больше я молилася,
Тем легче становилось,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой... [18, с. 303].

Молитва Матрены продолжительна, смиренна, покаянна, просительна и идет из глубины сердца. Зимний мир «под звездным небом Божиим» способствует ее молитве, как будто он сакрализован. Отметим мотив прибавления в героине силы: физической — от природной стихии ветра, духовной — от напряженного состояния молитвы. Матрена во всех смыслах уже подготовлена. Даже «целковеньким» обеспечена, чтобы задобрить швейцара. В дальнейшем рассказе ее речь освобождена от при-

читаний: совершен важнейший переход. Поименование новым именем «Губернаторша» обусловлено не столько невероятностью для ее среды совершенного ею поступка, сколько новым, высоким статусом управительницы как своего дома («домом правлю я» [18, с. 311]), так и обозримого мира, эстетически и этически преобразившегося:

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...
Хорошо, светло
В мире Божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбоемся
Полюбоемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка!

Жавороночка целует в начальном эпизоде «Пролога» Роман: данный мотив смыкает благоустроенный мир начала и конца «Крестьянки». В справедливом суждении В. А. Летина: «В “летней” поэме — это эпизод исключительный — единственный “зимний” и счастливо кончившийся для всех участников события. Исключительно и имя, выбранное самой высокопоставленной крестной — Лиодорушка, что буквально означает “дар солнца”» [12, с. 169] — требует уточнения понятие «счастья», необходимо употребленное исследователем в связи с сюжетной основой поэмы. Однако вопрос о счастье может быть снят, если считать «Крестьянку» самостоятельным произведением, диалогически связанным с поэмой «Мороз, Красный нос». Тогда в «Крестьянке» на северном фольклорном материале и в пространстве русского Севера осуществляется задача воплотить уже не памятник «величавой славянке», но живой ее образец. Притча VIII главы о «ключе от счастья женского», смоделированная Некрасовым на основе фрагмента «Из плача о писаре» («Допустил Господь ловцев да на киян море / Изловили оны рыбоньку незнамую, / Повыняли ключи да подземельныя, / Повыпустили горюшко великое» [24, с. 292]), во-первых, дала Некрасову возможность завершить «Крестьянку» ключевыми для Северного текста образами: «В каких морях та рыба / Гуляет — Бог забыл!..» [18, с. 314]. Во-вторых, Матрена предстает здесь как речедатель высокого уровня — обобщающий опыты жизни народный мыслитель.

С. М. Лойтер определила неповторимую сущность И. А. Федосовой: «явление крупнейшей исполнительницы причитаний, чье индивидуальное дарование выразилось в совершенной и классической форме, не имеющей равных в плачевой традиции и не знающей аналогов в фольклоре других европейских народов. “Я записал от нее 30 000 стихов, но она легко могла бы продиктовать и сто тысяч, так как творческая импровизация ее неистощима”, — писал Барсов <...> Плачи Ирины Федосовой — не просто традиционные плачи, а плачи-“поэмы”, в которых она обнаруживает дар повествователя, владеющего мастерством строить сюжет и создавать оригинальные художественные образы. Человеческая жизнь в ее изображении разворачивается в богатую подробностями драму, в которой принимает участие множество людей, иногда вся земля и небо» [13]. Человеческий гений как будто призвал к творческому состязанию поэта, поставившего целью создать образ героини, равномаштабной по силе личности Ирине Андреевне Федосовой.

В. Е. Евгеньев-Максимов, о работе которого шла речь в начале данной статьи, мотивировал выбор аспекта исследования запросом эпохи: «Столетие со дня рождения Некрасова совпадает как раз с той знаменательной переменной в политической структуре русского государства, которая отчасти уже привела, отчасти приведет к федеративному его строю. Федеративный же строй <...> пробуждает сознание своей принадлежности к той или иной областной единице со всеми климатическими, этнографическими, племенными и т. д. ее особенностями» [6, с. 3]. В 1922 г. на основе объединения РСФСР, Белоруссии и Украины был создан СССР. Политическое событие возродило интерес к истории вопроса — выделению Великороссии как самостоятельного территориально-государственного образования. Некрасовед опирался на Ключевского: «Курс русской истории», изданный в 1905–1910 гг., сохранял научную новизну.

Преподавательская и научная деятельность В. О. Ключевского пришлась на уникальную эпоху расцвета изучения русского народа, осуществлявшегося в том числе и Н. А. Некрасовым. Именно историк Ключевский «впервые задался мыслью исследовать процесс колонизации и хозяйственного освоения северо-восточной Руси» [7, с. 17]. В XVII главе I части курса Ключевский рассмотрел формирование великорусской ветви русского народа, осуществлявшееся в процессе колонизации Верхнего Поволжья и дальнейшего продвижения на север к Белому морю. Ассимиляция с местными народностями, освоение покрытых болотами и лесами земель, преимущественное существование малыми коллективами формировали ментальные черты великоросса. «Выжигая лес на нови, крестьянин общал суглинка усиленное плодородие и несколько лет кряду снимал с него превосходный урожай <...>» [7, с. 312]. Непритязательность, выносливость, способность концентрировать колоссальную энергию,

отвага — определенные Ключевским племенные черты великоросса Евгеньев-Максимов уловил в образах некрасовских героев.

Интерес Евгеньева-Максимова к изучению поэзии Некрасова как «певца Русского Севера», вызванный уникальным историческим событием — созданием на федеративных началах СССР, побудил ученого определиться с территориальным содержанием этнонима «Великороссия», что позволило ему связать исторический вклад Ключевского в изучение Русского Севера с некрасовской эпохой, когда оно началось: «Русский Север» как научный термин «начинает широко употребляться, начиная с середины XIX века» [27, с. 217]. Следуя за Ключевским, ученый выяснил топографию некрасовского мира, которая соответствует карте Русского Севера: «Применение термина «Русский Север» в этнической географии позволяет идентифицировать по этнокультурным признакам (типичным формам жилища, одежды, а также диалекта и говоров) русское население Новгородской, Архангельской, Петербургской, Вологодской, Ярославской губерний (дореволюционной России), а также северных частей Тверской, Нижегородской, Костромской губерний» [27, с. 217].

Творческий интерес Некрасова к Русскому Северу определился в начале 1860-х гг. благодаря фольклористической литературе. Рождается замысел — создать образ «величавой славянки», идеальный и жизненно конкретный одновременно. Первое воплотившее замысел произведение — поэма «Мороз, Красный нос». Некрасов моделирует условный северный мир, отчетливо проявляющий мифологические черты. Создает новый в литературе тип героини — образ Дарьи, заключающий народный идеал. Умозрительная идеальность образа придала ему черты памятника, однако витальная сила героини, творческое начало, противостоящее и выдерживающее напор природных сил, сохранились как константные для последующего воплощения в образе Матрены Тимофеевны — героини «Крестьянки». Для убедительности, полнокровности образа Некрасову потребовалось разработать конкретную топографию Русского Севера, а также ввести определяющие своеобразие его культуры черты. Архаика, сознательно сберегаемое в причитаниях и других формах народного творчества древнерусское этическое и эстетическое зерно культуры поддерживали русскую этничность в условиях маргинального существования в крайних пределах России, в окружении других народов [27]. То, что Матрена Тимофеевна «говорит» причитаниями, свидетельствует о том, что ее мировосприятие, представления о красоте и морали сформированы в северо-русской культуре. Уникальный гений И. А. Федосовой напитал жизнью героиню «Крестьянку» не только в том смысле, что ее творчество цитировалось Некрасовым, но в том, что образ Матрены Тимофеевны получил подлинные славянские черты, сохранившиеся, проявлявшиеся в жизненном поведении и судьбе Федосовой

как представительницы Русского Севера. Переходя из одной социальной роли к другой, с одного уровня самосознания на другой, Матрена Тимофеевна в конечном итоге реализует прирожденное ей стремление к свободе, обретая которую она становится «губернаторшей», «доброумно» благоуукрашающей вверенный ей мир.

Литература

1. *Богданова О. В.* О поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 195 с.
2. *Бурькин А. А.* Курский соловей, арзамасские гуси, тамбовский волк (к истории региолектных идентифицирующих символов и идиоматики) // Диалектная лексика-2016 (К 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 67–89.
3. *Володина Н. В.* Концепт «север» в русской поэзии XIX века // Северный и Сибирский тексты русской литературы: типологическое и уникальное / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 202–210.
4. *Гренландский тюлень.* URL: <https://zooeco.com/eco-mlek/eco-mlek451d4.html>
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И–О. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1881.
6. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов — певец Русского Севера. К столетию со дня рождения поэта. 1821–1921. Ярославль: Изд-во Ярославского с.-х. кустарно-промыслового союза кооперативов, 1921. 77 с.
7. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / под ред. В. Я. Янина. М.: Мысль, 1987. 430 с.
8. *Корона В. В.* Мороз, Красный нос и его жена, Дарья. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3259/2/arh_struc_2_2.pdf
9. *Кривошапова Ю. А.* Топонимы в севернорусских свадебных причитаниях. URL: <http://docplayer.com/114933143-Toponimiy-v-severnorusskih-svadebnyh-prichitaniiyah.html>
10. *Кривошапова Ю. А.* Лингвокультурные идентифицирующие символы Русского Севера. URL: <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-4-22-32>
11. *Кузнецова В. П.* Причитания в северо-русском свадебном обряде. Петрозаводск: Карельск. научн. центр РАН, 1993. 180 с.
12. *Летин В. А.* «Зимний текст» творчества Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 165–171.
13. *Лоуиер С. М.* «Вы падите-тко, горячи мои слёзушки...» (К 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой). URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-17/1829.html>
14. *Мельник В. И.* Божий Промысл в поэме «Мороз, Красный нос». URL: https://ruskline.ru/analitika/2006/04/28/bozhij_promysl_v_poe_me_moroz_krasnyj_nos
15. *Михайлов А.* Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота в лесах Архангельской губернии. СПб., 1868. URL: <http://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2013/09kr019.pdf>
16. *Михайлова Л. В.* Север как символ мрака и света // Геопозитика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира: сб. науч. ст. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 9 / ред. Е. Ш. Галимова [и др.]. Архангельск, 2016. С. 152–161.
17. *Некрасов Н. А.* Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. К. И. Чуковского. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1863–1877. М.: Худож. лит-ра, 1965.
18. *Некрасов Н. А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. Поэмы. 1861–1877. М.: Худож. лит-ра, 1965.

19. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. Петрозаводск, 1861. 524 с.
20. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864. 462 с.
21. *Петров А. В.* Концептуализация образа Русского Севера в поэзии Вадима Беднова // Северное слово. К юбилею Л. П. Комягиной: сб. / ред.-сост. Л. В. Ненашева, А. В. Петров. Архангельск: КИРА, 2012. С. 120–146.
22. Поморская энциклопедия: в 5 т. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 30, 106, 380, 382, 385.
23. *Прийма Ф. Я.* Н. А. Некрасов // Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.). Л.: Наука, 1982. С. 231–254.
24. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872. 393 с.
25. *Ромашенко С. А., Жиличев П. Е.* О морозе, смерти и «заколдованном сне» (коннотативный объем ключевого эпизода поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-moroze-smerti-i-zakoldovannom-sne-konnotativnyy-obem-klyuchevogo-epizoda-poemy-n-a-nekrasova-moroz-krasnyy-nos>
26. *Скатов Н. Н.* Некрасов. «Вынесет все...» URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/bio/skatov/nekrasov-16.htm>
27. *Соловьева А. Н.* «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. / под ред. Н. А. Терехина. Архангельск: С(А)ФУ, 2011. С. 213–223.
28. *Терехин Н. М.* Сакральная топонимия Русского Севера (к постановке проблемы) // Вопросы топонимики Подвinya и Поморья: сб. ст. Архангельск, 1991. С. 24–34.
29. *Терехин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск: Поморский ун-т, 2004. URL: https://www.phantastike.com/philosophy/metafizika_severa/html/
30. *Чистов К. В.* Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск: Карелия, 1988. 336 с.